

А. А. Шобырев

Прагматические режимы *sense-building*'а социологов. Опыты экзистенциальной социологии

Артём Алексеевич Шобырев — студент 3 курса бакалавриата департамента социологии Школы социальных наук НИУ ВШЭ в Санкт-Петербурге. **Адрес:** Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16. **Электронная почта:** aashobyrev@edu.hse.ru. **ORCID:** 0009-0005-7206-3224.

Аннотация: Социология как наука постоянно требует различного рода оправданий. С оправданиями сталкиваются и сами социологи. Автор статьи связывает оправдания с поиском экзистенциального смысла своей деятельности самими учёными. Однако социология не смогла выработать языка для анализа экзистенциального смысла. Цель статьи предложить пути развития такого языка и показать его возможности. В статье приводится анализ развития концепции смысла у Вебера, Шюца и Гоффмана. Затем анализируется дискуссия о *sense-building*'е в российской социологии. После чего предлагается обратиться к ресурсам прагматической социологии для решения возникающих теоретических проблем, в частности концепции режимов вовлеченности и градусов оправдания. *Sense-building* понимается как способ атрибуции смысла через квалификацию определённых единиц и их упорядочение в соответствии с ценностями актора и института. Анализируются ситуации кризисов смысла в связке в теории *sense-building*'а. Приводится анализ некоторых эмпирических примеров. В итоге, автор предлагает теоретическую рамку *sense-building*'а в режимах вовлечённости, основанную на прагматической социологии.

Ключевые слова: прагматическая социология, социология социологии, *sense-building*, режимы оправдания

Для цитирования: Шобырев, А.А. Прагматические режимы *sense-building*'а социологов. Опыты экзистенциальной социологии // Пути России. 2026. Т. 4. № 3. С. 168–201.

Введение

Мы, как социологи, постоянно оправдываемся. Сначала, когда только учимся: «почему ты выбрал социологию, можно же было стать экономистом или юристом хотя бы?», потом на защите диплома: «почему вы выбрали именно эти методы? а почему вообще ваша тема актуальна?», а те, кому повезёт защититься, оправдываются перед заказчиками и грантодателями, отвечая на вопрос: «почему мы должны дать вам деньги на исследование?». Все эти вопросы можно назвать в той или иной степени экзистенциальными, потому что они касаются наших выборов, нашего существования как учёных, а в некоторых случаях и существования физического. В таком случае можно сказать, что оправдание — это защита права на существование (existence) того или иного положения дел. Если говорить более радикально, то оправдание — это наделение существования чего-либо смыслом, наличие которого и выступает защитником, поскольку необходимость существования чего-то бессмысленного защитить крайне сложно.

Проблема смысла оказывается центральной для многих социологов. Их интересуют смыслы внешние по отношению к самой дисциплине. Однако особенно остро экзистенциальная проблема стоит для социологии, которой постоянно приходится отстаивать своё право на существование и независимость от других дисциплин¹. В этой ситуации с одной стороны мы можем обратить внимание на такое противоречие: социологов интересуют смыслы других людей, их интересуют основания своей собственной дисциплины, но при этом мы найдём очень мало исследований того, какие смыслы придают своей деятельности сами социологи. Возможно, всё дело в том, что язык разговора на эту тему в социологии так и не был создан. Экзистенциальный «поворот» мировой философии остался незамеченным для социологического мейнстрима. Эта статья ставит своей целью выработать концептуальную рамку для исследования экзистенциальных смыслов не только социологов, но и других учёных. Сначала мы рассмотрим понятие смысла в социологии, затем перейдём к тому, как сами социологи в России разрабатывали этот вопрос, в конце мы создадим концептуальную рамку для анализа социальных смыслов и продемонстрируем её работу на нескольких эмпирических случаях.

¹ Как однажды написал Андрей Корбут: «в социологии — что ни текст, так вопрос о существовании социологии» [Корбут, 2009] <https://cfs.hse.ru/news/137901478.html>

Теории смысла

Смысл и ценности

Если не самым первым, то одним из значимых ранних оправданий смысла науки в целом и социологии в частности является текст лекции Макса Вебера «Наука как призвание и профессия» [Вебер, 1990]. Он прочитал её в 1918 году перед немецкими студентами, многие из которых жаждали изменить Германию, совершить социальные изменения и считали, что социальные науки нужны именно для этого. Вебер имеет свой собственный взгляд на науку, противоречащий взглядам части людей в аудитории, а значит задача Вебера не только теоретическая, но и оправдательная. Вебер ставит фундаментальный вопрос «зачем нужна наука?», ведь по его мнению она не может прямо и по-утилитаристски улучшать жизнь, не может она и возвеличивать Бога или отвечать на вопрос «как жить?». Но помимо вопроса, он даёт свой собственный ответ, анализа которого мы коснёмся здесь лишь отчасти, ведь он заслуживает отдельной философской работы. Таким образом эту лекцию можно считать одним из ярких примеров sense-building в социальных науках.

Ответ на вопрос о смысле науки для Вебера неразрывно связан с вопросом о смысле действия. Так, согласно нему мы называем действием такое поведение, с которым действующий связывает субъективно полагаемый смысл [Вебер, 2016]. При этом, возникновение смысла действия неразрывно связано с процедурой «отнесения к ценности», которую Вебер заимствует у неокантианского философа Генриха Риккерта, то есть процессом оценивания с какой ценностью соотносится то или иное действие или предмет. В контексте действия это означает, что действие имеет смысл только если связано с определённым ценностным регионом. При этом, в отличие от Риккерта, для которого ценности были универсальными и поддающимися систематизации, для Вебера ценности являются исторически обусловленными и находятся в постоянной «войне богов» или в состоянии «политеизма» [Пресняков, 2021]. Исходя из этого, присягая на верность одному богу, мы с неизбежностью оскверняем других богов. Для нашего исследования важно то, что в своей лекции Вебер проводит чёткую апологию и обоснование ценностей научного познания. Вебер мыслит смысл науки как деятельности, способной дать ясность, «расколдовать» мир, освободить его от предрассудков. Социальные же науки могут, помимо всего прочего, помочь индивиду дать отчёт в конечном смысле своей собственной деятельности. Обратим внимание на предельно экзистенциальную постановку вопроса. Речь идёт не просто о смысле единичного действия, но о смысле деятельности в целом, а учитывая, что речь идёт о призвании, то и смысле жизни.

Мы можем указать на то, что в своей речи Вебер обращается к трём составляющим научной деятельности: аффективной — страсть (вдохновение); рутинной — кропотливый и целенаправленный труд, методология; и ценностной — призвание и профессия, ценность истины. Это позволяет нам говорить о том, что учёный по Веберу — это человек, для которого истина есть главная ценность, он вдохновенно и со страстью погружен в свою работу и целенаправленно идёт к своей цели. Наличие этих трёх составляющих и будет определять науку как призвание и профессию (нем. *Beruf*).

Понятие *Beruf* Вебер развивает в двух других связанных между собой концептуально работах: знаменитой книге «Протестантская этика и дух капитализма» [Вебер, 1990] и в небольшой статье «Протестантские секты и дух капитализма» [Ibid.]. Он описывает его на основании текстов протестантских теологов, обосновывающих важность мирского труда ради спасения в загробной жизни — если упрощать, то всё сводится к тому, что у каждого есть своё призвание от Бога, которое нужно найти и исполнить. Это призвание выражается в каком-то виде мирского труда — профессии, именно поэтому слово *Beruf* сводит оба смысла воедино. Вебер секуляризует это понятие, говоря о науке и политике как призвании и профессии. Занимаясь наукой вы служите не Богу, но богу Науки, у которого свои ценности, попирая чужих богов. В этом смысле выбирая служить одному, вы не можете служить другому. Соответственно, мы можем выделить два аналитических уровня у Вебера: ценность — то чему служат, и этос — набор добродетелей, моральных правил поведения, служащих одной высшей ценности. Например, если ценность — истина, мы должны строго следить за объективностью своих выводов, не навязывать своего мнения студентам в аудиториях и не выносить оценочных суждений.

Проблема данного теоретического аппарата в том, что, во-первых, он предполагает, что учёный будет отдавать себе отчёт в том, что учёный действительно отдаёт себе отчёт в конечном смысле своей деятельности, а сама работа учёного устроена как *Beruf*, то есть имеет сильный эмоциональный и ценностный заряд, а во-вторых, в теории Вебера нет места изменчивости: деятельность неизменна и стабильна во времени, из-за чего мы просто будем вынуждены часть работы учёного признать не связанной с наукой — написание отчётов, подача на гранты, а также нелюбимое Вебером стремление к социальным и политическим изменениям окажутся за бортом нашего анализа. Такой веберовский тревожащийся о спасении индивид, рефлекслирующий своё собственное отнесение к ценности в деятельности, редко встречается в обычной жизни. Именно эту критику отсутствия повседневности в дальнейшем будут развивать другие социологи, в частности Шюц. Однако Вебер нам важен тем, что позволяет задаться вопросом о смысле деятельности в его экзистенциальном измерении с социологической точки зрения, а также нам в дальнейшем могут пригодиться

его интуиции о содержании профессии и уровнях анализа. Подобная концептуализация оказывается недостаточной для подробного анализа, она слишком не нюансна, но она задаёт общее направление размышлений.

Смысл у Шюца

Альфред Шюц развивает подход Вебера к смыслу действия, существенно его изменяя. Для него ценности перестают играть смыслогенерирующую роль, а могут выступать лишь как символы или общий культурный фон, наделяющий действия смыслом в рамках рефлексии. «Политеизм» ценностей Вебера у Шюца заменяется «плюривёрсумом», разнообразными мирами, являющимися «конечными областями смысла» [Шюц, 2008]. Провинция значений, субуниверсум, конечная область смысла или просто мир — термин, который Шюц использует для характеристики определённой «установки сознания», в которой отдельные вещи приобретают статус реальных, а другие перестают считаться таковыми [Шюц, 2008]. Саму идею Шюц заимствует у философа У. Джеймса, которого интересовал вопрос, при каких обстоятельствах человек считает реальным что-либо. Шюц описывает несколько конечных областей смысла: мир безумия, фантазии, сна, научной теории, религиозного переживания, искусства, игры. Отдельно Шюц выделяет мир повседневности, для него это верховная реальность, поскольку только в этом мире возможна коммуникация людей, а также именно в этом мире существуют вещи и тело человека [Ibid., с. 78]. Эти миры являются замкнутыми, то есть смысл операций, производимых в этом мире может быть понят только из этого мира и не может быть перенесён в другие миры.

Категория смысла сама по себе у Шюца носит двойственный характер. С одной стороны, смысл возникает интерсубъективно при интерпретации повседневного взаимодействия в рефлексивной установке, при этом схемы интерпретации (или референции) оказываются результатом социализации и научения, а доступным смысл становится только в актах коммуникации с Другим². С другой стороны, смысл находится в определённых конечных областях смысла. Так, например у Шюца мир научной теории, в который человек погру-

² Поскольку даже при физическом отсутствии Другого, в рефлексивной установке схемы референции являются результатом переживаний и действий третьих лиц, смысл всё равно оказывается не субъективно, а интерсубъективно полагаемым, как пишет Ерофеева: «отношение между смыслом и субъектом приобретает вышеназванную трехчастную структуру Ego-смысл-Alter, где смысл оказывается как бы между Я и Другим» [Ерофеева, 2015, с. 24].

жается в процессе написания статьи, оказывается самозамкнутым и осмысленным изнутри, поскольку действия, предпринимаемые в повседневном мире (записи в блокноте, печатание на пишущей машинке), могут быть осмыслены только из мира научной теории. Другим ярким примером такой провинции смысла оказывается мир безумия, проиллюстрированный Шюцем на примере Дон Кихота [Шюц, 2008, с. 86–87]. Действия незадачливого рыцаря в борьбе с мельницами в «мире рабочих операций» (т. е. мире повседневности) могут быть поняты только в границах конечной области смысла — мира безумия.

Возникает ситуация, в которой для осмысления всех действий в неповседневных мирах, требуется возвращаться в повседневный и производить рефлексию, иначе опыт полученный, например, в мире научной теории останется не осмысленным. Однако, в том случае, если мир Смысла в рефлексии является отдельной областью смысла, он не может производить смысл, поскольку в конечных областях смысла нет коммуникации. На это противоречие обращает внимание М. Ерофеева в своей диссертации: «Итак, Шюц постулирует осмысленность конечных областей смысла, но тут же отказывает им в этом, потому что смысл может быть актуализирован только в повседневности» [Ерофеева, 2015, с. 30]. Выход из данного противоречия представляется весьма затруднительным. Мы должны либо отказать миру Смысла в рефлексии в особом статусе, но в таком случае проблема производства смысла в конечных областях смысла все ещё останется нерешённой — все миры должны будут осмысляться через повседневность, лишая тем самым миры статуса «конечных» областей. Либо следует лишить повседневность статуса верховной реальности и разрешить трансформации смысла между мирами.

Получается, концепция смысла у Шюца содержит в себе противоречия и требует серьёзных теоретических усилий для их преодоления. Одним из тех, кто разрешает шюцевскую проблему смысла становится Ирвинг Гофман. Понимание различий между их подходами поможет нам лучше понять как всё-таки связаны смысл и повседневность.

Смысл у Гофмана

Для Гофмана идея Джемса-Шюца о многообразии миров кажется «весьма сомнительной» [Гофман, 2003, с. 66]. Он полагает, что ощущение «реальности» происходящего исходит не из особого «когнитивного стиля» или «эпохи», а из того, как действующие лица распознают ситуацию, отвечая на вопрос «что здесь происходит?». Делают они это с помощью фрейма — схемы интерпретации ситуации, заданной её контекстом. Сами фреймы организуются в «системы фреймов» (frameworks), более

общие контексты для интерпретации частных ситуаций. В данном случае их можно сопоставить с мирами Джемса. Так, например, ситуация богослужения может быть интерпретирована в повседневном фреймворке, а может — в религиозном. Однако, в отличие от миров, фреймы не замкнуты, а находятся в постоянном процессе переопределения (рефрейминга), фабрикации — конструирования заведомо ложной ситуации (обмана), наслоения (*layering*) друг на друга, и «транспонирования» (*keying*) — ситуации при наслоении, в которой происходит трансформация деятельности, уже осмысленной в другом фрейме. Примером рефрейминга может служить ситуация разоблачения розыгрыша, примером же транспонирования — сам розыгрыш, как транспонированная реальность (другим примером может быть репетиция выступления, как транспонированный концерт).

Таким образом для Гофмана смысл ситуации находится в самой ситуации, и производится её фреймированием. Смысл оказывается контекстуальным — измените фрейм и вы сможете изменить смысл того или иного события или действия. Как пишет Ерофеева [2015] у Гофмана происходит смещение со смысла отдельного действия на смысл целого события, однако действия всё же не лишаются своего смысла, а приобретают его в контексте ситуации. При этом Гофман как бы оставляет за скобками своего анализа вопрос о ценностях и их связи со смыслом.

Так где же производится смысл?

Каким же образом в теории Гофмана работает рефлексия? Если для Шюца рефлексивная ретроспективная установка играет решающее значение, поскольку именно в ней происходит осмысление, Гофман по сути имплементирует рефлексивный вопрос «что здесь происходит?» в саму ситуацию, при этом неважно, даётся ответ на этот вопрос осознанно или нет — смысл ситуации будет распознан в любом случае. Если же происходящее не поддаётся осмыслению, потребуется более серьёзная интерпретативная работа, на более осознанном уровне. Рефлексия по поводу своего собственного положения в ситуации является по-своему фреймированной деятельностью: можно прочитать лекцию о лекции, можно отрефлексировать то, как ты читаешь лекцию о лекции, но нельзя читать лекцию о лекции и рефлексировать о том, как ты читаешь лекцию о лекции одновременно. Таким образом обычная рефлексия ограничена сферой повседневного взаимодействия *in situ*.

Но что делать с экзистенциальным ретроспективным пониманием смысла? Гофман пишет о том, что определённая последовательность событий (реальных или фиктивных) может быть произ-

вольно выделена в «отрезок» (strip), заключённый в скобки (brackets). При этом он использует метафору масштаба: «нет никаких теоретических аргументов относительно того, с какого расстояния и каким планом надо снимать ту или иную сцену» [Гофман, 2003, с. 68]. Таким образом мы можем брать любые отрезки произошедших событий и интерпретировать их по-разному. Наконец, по поводу ретроспективности Гофман пишет: «ретроспективная характеристика «того же самого» события или социальной ситуации может очень сильно варьировать» [Ibid., с. 70]. Таким образом в языке Гофмана мы можем осуществлять и рефлексия и ретроспективное осмысление прошедших событий. Смысл повседневный и смысл ретроспективный теперь находятся на одном уровне, смысл ситуации может меняться от взгляда и вновь открывшихся обстоятельств, но этот тот же самый смысл. Ощущение «причастности» к большому нарративу не определяется отсылкой к миру Смысла, а задаётся фреймом, в котором интерпретируется отрезок деятельности человека вплоть до сегодняшнего момента. Если деятельность, в которую он повседневно вовлечён, вписывается в этот нарратив, не выпадает из этой системы фреймов — её смысл сохраняется.

Проблема анализа фреймов в том, что сосредотачиваясь на форме, он игнорирует ценностное содержание схем интерпретации ситуаций. Его язык позволяет нам понять, почему люди ведут себя по-разному в тех или иных ситуациях (например, фрейм оправдания), но ему нечего сказать о содержании того, о чём спорят люди. Смысл оказывается окончательно отделён от ценностей. При этом, он помещает его в повседневную жизнь, выглядит прогрессом, по сравнению с игнорирующим повседневность Вебером.

Мы рассмотрели только некоторые возможные теоретические рамки, тем не менее, ни один из рассмотренных подходов не позволяет соединить экзистенциальное и ценностное измерение смысла с его повседневным производством.

Концепция sense-building'a

Одиннадцать лет назад на страницах журнала «Социология власти» обсуждалась статья Михаила Соколова «Социология как чудо» [Соколов, 2015a; Хархордин, 2015; Вахштайн*, 2015; Соколов, 2015b]. Основной темой статьи был вопрос: «как социология всё ещё остаётся целостной дисциплиной, несмотря на всевозможные препятствия?»,

* Внесён Минюстом РФ с список иностранных агентов.

например, почему она выбрала модель физики, а не журналистики или любой другой дисциплины.

Ответом стала модель исторического развития социологии, которая описывает её путь как вечную попытку избежать самообмана и иметь уверенность в том, что работа социологов научна, поскольку именно эта уверенность и придаёт смысл деятельности учёных. Другими словами, согласно этой теории социологи постоянно утверждают себя в качестве учёных, определяют в чём смысл их деятельности и находятся в страхе, что в какой-то момент окажется, что всё это время они находились в плену иллюзий, что социология — это наука. Соответственно, для того, чтобы в этом убеждаться, у социологов есть две стратегии: либо копировать внешние признаки тех дисциплин, научность которых, с их точки зрения, не вызывает сомнений, например у физики — ритуализм, либо опираться на чувственную составляющую научного процесса, связанную с чудом открытия нового — экстазм.

Для того чтобы аргументировать такую позицию, в статье вводятся несколько новых понятий: *sense-building*, автофабрикация и аргументативная игра. *Sense-building*’ом называется активный процесс создания Смысла в его экзистенциальном значении, то есть создание ощущения, что «всё не зря» и что всё, что делается «имеет смысл». Для того, чтобы лучше прояснить концепцию «смысла» Соколов обращается к Шюцу и его концепции ретроспективно-полагаемого смысла. О тонкостях и проблемах такого решения мы поговорим ниже.

Автофабрикация понимается как такое состояние, в котором люди коллективно поддерживают веру в то, что на самом деле не происходит, при этом зная, что это не происходит. В качестве примера можно привести разнообразные секты, члены которых уверены в скором спасении и в чудесных способностях своего лидера, несмотря на то, что ни спасения, ни чудес обычно не происходит. Здесь стоит сказать, что это понятие дополняет гофмановское понятие «фабрикации», используемое во фрейм-анализе [Гофман, 2003], означающее намеренное фальсифицированную ситуацию.

И, наконец, аргументативная игра — это заранее известный набор ходов, которые совершают участники дискуссии для поддержания уверенности друг друга в том, что они находятся в не-сфабрикованной реальности и их действия имеют смысл.

Именно из-за страха автофабрикации социология сделала выбор в пользу «жанра» статьи с использованием линейной регрессии, а не, например, факторного анализа, поскольку регрессия позволяет «правильно по-научному» организовать текст и испытывать энтузиазм при обсуждении результатов. Такая статья выглядит гораздо более научной, поскольку написана в терминах причины и следствия, и располагает к обсуждению факторов влияния. То же самое касается причин, по которым социологи не принимали некоторые вполне

логичные решения, если исходить из их желания создать видимость науки «для других». Социология не пошла по пути, связанному с развитием статистического анализа общественного мнения и не забыла своих классиков (как завещал Мёртон), или не ушла в сторону преимущественно описательной, а не объяснительной статистики. Всё потому, что все эти решения несут в себе меньше смыслогенерирующего потенциала. Одни — в связи с потерей идеальной научной «формы», которую следует повторять, а другие — из-за утраты чувственного наполнения, связанного с решением теоретических задач. В итоге, социологи исходили из желания создать видимость науки в первую очередь для себя, а вернее были мотивированы страхом, что эта видимость для них пропадёт.

В результате есть проблема — социология слабо похожа на «нормальную» науку, она не забыла своих классиков, у неё нет какого-то чёткого «мейнстрима», а самое главное, вместо того, чтобы производить факты, социологи скорее вносят неоднозначность в их интерпретацию [Соколов, 2015а, с. 25]. Здесь и наступает экзистенциальный кризис и подозрения в самообмане.

Убедиться в том, что ты делаешь что-то правильно, можно двумя способами: обратиться к последствиям действий или к тому как что-то делается. Это различие исходит из институциональной теории организаций [Meyer & Rowan, 1977]. Как мы уже выяснили, судить социологию по её последствиям, то есть по открытым законам и фактам, получается с трудом, соответственно остаётся полагаться на правила действия. Отсюда и появляется сравнение социологии с религией (как ещё одной машины *sense-building'a*) и применение веберовского различия на мистиков-экстатиков и аскетов-ритуалистов [Вебер, 1994]: одни опираются в своём спасении на чувства, другие — на правилосообразные действия. Для одних важно чувство открытия, возникающее, когда найден изящный теоретический ход, в рамках социологии понятой как особый язык, позволяющий социологии говорить, например о материальных объектах, такой подход называют перспективистским. Для других важны правильно подсчитанные регрессионные модели, репрезентативные выборки и чистые данные (сторонников такого подхода мы можем назвать позитивистами).

В ответных статьях разрабатываются несколько теоретических сюжетов развития и даются важные критические замечания. В частности, предлагается рассмотреть параллели между концепцией *sense-building'a* и градами оправданий Болтански и Тевено [Хархордин, 2015; Болтански & Тевено, 2013]. Михаил Соколов отмечает, что в мире Смысла есть свои представительства у градов Вдохновения и Славы, но рыночного, пожалуй, нет [Соколов, 2015b, с. 88]. Эту интересную параллель и развивает данная статья. С другой стороны, отмечается, что в такой концепции социолог оказывается как бы «заброшен» в ситуацию, где ему нужно пытаться оправдать себя в качестве учёного

и объяснить другим, почему социология — наука, то есть у него не возникает сомнений в том, что он социолог, а лишь в том, учёный ли он? Получается такая схема: человек уже чувствует себя социологом, он должен действовать определённым образом, чтобы в итоге получить смысл, который является итогом всех действий. Однако, если мы вдруг предположим, что ни у кого нет сильной социологической идентичности, например, из-за постоянной административной или публичной работы, которая мешает вести научную деятельность, схема рассыпется. В этой же дискуссии предлагалось вернуться к веберовскому пониманию смысла, как переспективистскому, то есть полагаемому до действия, а не ретроспективно полагаемому после него. В ответ, говорилось о том, что эти пункты взаимозависимы, мы не можем ответить на вопрос «социолог ли я?», не ответив на вопрос «наука ли социология?» [Соколов, 2015b].

Несмотря на бурную дискуссию, к сожалению, данная концептуальная рамка не была применена к кому-то кроме социологов (одно из приятных исключений — статья Алим Бисеновой, в которой данная логика о научном «чуде» применена к антропологам [Бисенова, 2021]). На мой взгляд проблема кроется в том, что данная теория чрезмерно концентрируется на ретроспективности смысла и отсылает к шюцевскому ретроспективному решению, что затрудняет доступ к исследованию субъективных смыслов. Другой проблемой становятся внутренние противоречия, связанные с разным пониманием смысла у Гоффмана и Шюца, идеи которых используются в теоретической рамке *sense-building*'а. Теория фреймов замечательно описывает трансформации смысла событий, его конструирование и наложение. Однако она не работает с более крупными структурами, оставляя их как бы за скобками. Это сознательное решение Гоффмана: он пишет, что его интересует структура опыта, а не общество, которое изучается и без всяких фреймов. А значит за рамками теории фреймов остаются вопросы социальной структуры, ценностей, иерархий и т.д. Поскольку теоретический язык теории фреймов не даёт нам возможности увидеть экзистенциальную плоскость, а язык Шюца слишком противоречив, нам нужен другой язык.

Прагматическая теория смысла и возвращение ценностей

Такой теорией становится прагматическая социология. Зародившись во Франции как альтернатива бурдьевистскому проекту, сейчас она является одним из наиболее перспективно развивающихся теоретических проектов в социологии. К её основным представителям относят Люка Болтански и Лорана Тевено, часто также включают Бруно Латура

и Мишеля Каллона [Барт et al., 2019]. В отличие от иных теорий практик [Волков & Хархордин, 2008], для неё рефлексия играет важную роль, поскольку именно рефлексия требуется для оправдания, тестирования, квалификации и других важных операций, изучаемых прагматической социологией [Барт et al., 2019; Heinich, 2020a, Heinich, 2020b; Heinich, 2025], при этом, она сохраняет в себе всё то, что принёс прагматический поворот, а именно анализ повседневных, часто не-рефлексивных действий. В отличие от веберовского подхода, требующего от субъекта постоянного осознанного соотношения с ценностью, прагматическая социология позволяет описывать смысл там, где он существует до всякой рефлексии — в повседневных практиках, телесных привычках и конкретных ситуациях координации.

Так, Натали Эник описывает прагматическую социологию как социологию оценивания (*valuation*) [Heinich, 2020a]. В своей статье она пересобирает понятие «ценность» так, чтобы снять противоречия между различными теоретическими направлениями в социологии и привести их под общий фундамент прагматической теории. Так, ценность вещи зависит не только от «социальных условий» или ментальных репрезентаций, но и, например, от материальности вещей, их «аффордансов» (*affordance*), поскольку для Эник важно учесть роль материального мира и преодолеть субъект-объектную дихотомию: ценность рождается и присваивается при участии многих акторов. Таким образом прагматическая социология может проследить как разные ценности и акторы взаимодействуют между собой в конкретных ситуациях — как ценность-принцип становится причиной для присвоения чему-либо ценности-качества и трансформации её в ценность-благо, например с помощью присвоения цены и измерения (*measurement*). Также Эник описывает три этапа оценивания, ценности существуют до акта оценивания, развиваются в его ходе и закрепляются после него — это позволяет говорить о динамическом, а не статичном понимании ценности.

Таким образом, благодаря акценту на оценивании и прагматическому подходу удаётся соединить несколько противоречащих теоретических направлений, а вернее — говорить на одном языке о том, о чём раньше говорили на разных. Мы можем говорить об оценивании конкретных ситуаций, действий, людей и вещей в разных контекстах.

Основой нашей теоретической рамки станет концепция режимов вовлечённости Лорана Тевено. Вовлечённость в его понимании это приложение индивидом определённых усилий для координации с самим собой и с окружающим миром [Thévenot, 2001; Thévenot & Jacobs, 2014; Hansen, 2025]. Здесь важно указать на то, что для Тевено вовлечённость всегда связана с определённым благом. Соответственно вовлечённость можно представить как деятельность по тестированию и инвестированию в соответствие себя и окружающего мира,

включая людей и объекты, а также отношений между ними и этим благом. Такое благо может быть как личным, частным, например какой-то эгоистичный интерес, или может быть коллективным, публичным, например благо справедливости. Соответственно, множественность благ порождает множественность режимов вовлеченности в координацию и соответствие им.

Так, изначально Тевено выделяет три таких режима: режим близости со знакомыми вещами³; режим планового действия — в нём человек ставит цели, планирует и действует⁴; и режим оправдания — работающий в случае необходимости координации коллективных действий. В дальнейшем он добавит режим исследования — заключающийся в интересе к исследованию чего-то нового⁵ [Hansen, 2025].

Здесь важно указать ещё и на то, как Тевено понимает идентичность индивида — он использует метафору «черепичной крыши», чтобы описать то, как разные режимы вовлечённости накладываясь друг на друга поддерживают *vision of person's self*. Важно понимать, что это не одна глобальная гомогенная идентичность, но наложение разных режимов создаёт гетерогенную и внутренне противоречивую идентичность, которая в каждом режиме работает по-разному. Например идентичность учёного будет складываться как из комфорта работы за знакомым рабочим местом, из целенаправленного написания диссертации, публичного обоснования важности своего исследования и страсти к этому самому исследованию. Напряжение может возникнуть например между страстью исследовать и необходимостью писать отчёты. При этом, ни один из режимов не может быть единственной основой для идентичности, и в случае если в одном

³ Например, это проявляется в том, что делают учёные в повседневной жизни на работе: «У нас есть шутка про то, что мы пьём чай, это правда, пьём чай, и что-то обсуждаем» (интервью 2, младший научный сотрудник). В дальнейшем это позволяет обращаться к домашнему граду в режиме оправдания: «Q: А что вас удерживает в академии? А: Коллеги, атмосфера» (интервью 8, старший научный сотрудник)

⁴ Режим планового действия чаще всего становится источником тревоги в связи со множеством тестов, в основном бюрократических: «То, после чего мне хочется уволиться, как правило, связано с бюрократически-административными вопросами... ты не знаешь, сможешь ли ты продлить эти контракты... Вот это то, после чего ты иногда сомневаешься, что академия — это полезная и нужная работа» (интервью 3, старший научный сотрудник)

⁵ Режим исследования ключевой для научной деятельности, при этом им приходится жертвовать ради режима планового действия: «Дальше идти уже не прикольно, когда ты это описываешь, когда надо публиковать, а уж тем более работа с теорией. Но вот это вот практическая, эмпирическая работа, класс, поиск инсайтов (с восхищением)» (интервью 4, старший научный сотрудник)

из режимов происходит кризис, о чём мы поговорим более подробно ниже, она может распасться.

Заключительное, что следует учитывать в режимах вовлечённости, это внутреннее колебание между двумя фазами в каждом из режимов, Тевено говорит о фазе “eyes closed” и фазе “eyes opened”. Первое относится к осуществлению режима без сомнений, без рефлексии, рутинно. Второе же относится к сомнению, недоверию к осуществляемому режиму, тревоге. Во втором режиме происходит проверка (*épreuve*), тестирование окружения и себя на *coherence*, об этом мы также поговорим ниже. Как утверждает Тевено, одним из способов открытия глаз оказывается сомнение в той жертве, которую человек приносит тому или иному режиму, поскольку вовлечение требует заплатить определённую цену, чтобы достичь когерентности в определённой ситуации. Допустим, чтобы достичь цели в режиме планового действия, нужно пожертвовать личным комфортом, а может быть поступиться собственными принципами.

Как можно заметить, логика режимов вовлечённости структурно совпадает с тем, о чём писал Вебер — целенаправленное действие, ценностная ориентация и аффективная вовлечённость соответствуют режимам планируемого действия, режиму оправдания и режиму исследования. Единственное, что выпадает это режим повседневной близости, о нём Вебер не пишет. Конечно, Тевено не опирается прямо на Вебера при разработке своей теории, тем не менее, структурное сходство позволяет нам сделать вывод что мы идём в правильном направлении. Можно сказать, что четыре режима вовлечённости вместе создают ощущение того самого *Verif*, о котором говорит Вебер. Чем же в таком случае будет являться смысл деятельности? Как мы помним, действие является осмысленным, если оно соотносено с ценностью, Вебер описывает это как срединное царство смысла между имманентным миром и трансцендентным миром ценности. Соответственно, смыслом в нашем случае мы можем назвать соотношение с благами каждого из режимов вовлечённости. Тевено называет это соответствием (*convenance*) [Thévenot, 1990]. Можно сказать, что вовлечённость — это деятельность по установлению соответствия окружающего мира и благам режимов вовлечённости. В каждом из режимов тесты на соответствие оказываются разными, в режиме фамиллярности это ощущение счастья и комфорта при контакте со знакомым, в режиме действия это выполнение поставленных целей, в режиме исследования это вера в возможность открытия и радость новому, а в режиме оправдания, когда всё идёт своим чередом по внутренней логике *order of worth*. То есть в фазе спокойствия, закрытых глаз, смысл деятельности производится сам по себе, его не нужно эксплицитно выражать, но в случае, когда происходит кризис, возникает тревожность, «открываются глаза» и возникает потребность в его экзистенциальном оправдании. Таким образом, мы приходим

к особой важности режима оправдания, поскольку режим оправдания оказывается тем ресурсом, к которому обращаются тогда, когда другие режимы не справляются с восстановлением *coincidence* — потому что только в нём смысл может быть обоснован публично, тем самым получая более устойчивое основание.

Последний режим вовлечённости, но не последний по значимости — это режим оправдания. Наиболее подробно его грамматику рассмотрели Болтански и Тевено в работе «Критика и обоснование справедливости» [2013]. Однако стоит различать их совместную модель и режим оправдания Тевено. Там они описывают то, как люди в разных ситуациях оправдывают те или иные действия, принципы обустройства мира. В этой теории справедливость тождественна упорядоченности мира в соответствии с определёнными принципами, которые соотнесены с «градами» (*cites*) справедливости. Таких градов в оригинальной книге они насчитывают всего 6: град благодати и вдохновения, рыночный град, гражданский град, научно-технический град, патриархальный град и град репутации. Каждый град характеризуется своим порядком «величия», то есть условий, при которых положение человека или вещи в мире будет считаться наиболее соответствующим принципам справедливого устройства. Так в рыночном граде упорядочивание происходит на основе богатства, а, например, в научно-техническом — по критериям эффективности и полезности.

В этом режиме благом является соответствие одному из *orders of worth*, соответственно в нём происходит квалификация себя и окружения через отсылку к определённому благу, лежащему в основе града (*cit  *). Важно, что этот режим не требует участия коллектива, достаточно вовлечённости одного человека, который либо оценивает что либо через *orders of worth*, либо подвергает один из порядков сомнению. Это может проявляться в политической полемике или отстаивании своих прав на работе и в других местах, а может в личных сомнениях обоснованности тех или иных действий или справедливости собственной оценки. В ситуации закрытых глаз благо *order of worth* не подвергается сомнению, в ситуации же открытых глаз происходит столкновение порядков величия.

Болтански и Тевено различают град и мир. Град — это идеальный принцип, некоторая модель, в то время как мир это реальные объекты, которые должны быть упорядочены в соответствии с градом. Если грады находятся в независимых друг от друга отношениях, то миры пересекаются, вступают в конфликты и компромиссы. То, что в одном мире будет являться благом и высшим величием, в другом будет объявлено безумием.

Какую же роль во всём этом играет смысл? Как мы уже разобрались выше, смысл может существовать только в контексте, в случае соответствия положения дел определённому благу. Этот контекст

может быть трансформирован, из него можно что-то изъять, а можно что-то добавить. Соответственно, в зависимости от контекста будет меняться и смысл. Он может быть понят ретроспективно, предпослан действию перспективно или понят во взаимодействии. Основной тезис здесь в том, что смысл является результатом оценивания, эффектом квалификации. Оказавшись в определённой ситуации, человек квалифицирует её. Тот факт, что она была определена до него, например материальным контекстом, говорит лишь о том, что она была кем-то квалифицирована ранее. Соответственно, человек подстраивает своё поведение так, чтобы оно имело смысл в данной ситуации, при этом квалифицируются участники ситуации, предметы и действия. То, насколько они упорядочены в соответствии с определёнными принципами и позволяет говорить об осмысленности как всей ситуации в целом, так и отдельных действий. Если набор участников (вещи, люди, действия) не позволяет квалифицировать её по-старому, происходит рефрейминг: ситуация осмысливается в соответствии с другими принципами. То же самое происходит и постфактум, человек ретроспективно оценивает ситуацию и положение вещей в мире, сложившееся в данный момент в связи с имеющимся контекстом. Соответственно, нет никакой разницы между смыслами, есть разные этапы квалификации. В некотором роде мы возвращаемся к веберовскому прочтению смысла как соотносению с ценностью, правда, теперь квалификация происходит постоянно и включает в себя как классический «мир действий» в режиме планового действия, так и повседневные взаимодействия.

К теме смысла Болтански обращается в книге «Тайны и заговоры» [Болтански, 2019]. Он проводит различие между миром в витгенштейновском смысле, как тем «что случается с людьми», и реальностью, как тем, что создают люди. Реальность в его понимании конструируется институтами, которые задают форматы квалификации и отвечают на вопрос «что есть (в мире)?». Реальность в понимании Болтански радикально не определена (*uncertain*), и институты позволяют её стабилизировать и упорядочить. Именно в упорядоченной реальности появляется смысл:

«Тогда реальность выступает в виде сети каузальных отношений, взаимно сцепляющих события, с которыми сталкивается опыт. Отсылка к этим отношениям позволяет придать смысл происходящим событиям через определение единиц, к последствиям действий которых должны быть приписаны эти события» [Болтански, 2019, с. 48].

«Но справедливо также сказать, что случившееся лишено смысла, пока нет возможности его атрибутировать, связав с какой-либо единицей действия, или, если эта единица известна, определить ее интенции» [Ibid., с. 49].

«Смысл сингулярного события раскрывается во всей полноте, только если оно соотносится с единицей действия, коей приписывают идентичность, определённую степень устойчивости во времени и интенциональность — проявляющуюся или не проявляющуюся в сознательном действии» [Ibid., с. 49]⁶.

Таким образом, смысл возникает в реальности, или в определённом её отрезке, которая так или иначе упорядочена (или может быть упорядочена) в соответствии с некоторыми принципами (ценностями). Этот процесс Тевено называет *convenance*, то есть установлением соответствия обстановки, внутреннему состоянию человека и определённому благу.

Поскольку реальность является стабилизированной и сконструированной институтами её можно подвергнуть сомнению и проверить с помощью тестов. В другой своей книге “*On critique*” [Boltanski, 2011] таких тестов Болтански предлагает три:

1. Тест на правдивость (*on truth*). Это такие действия, которые подтверждают институционализированное определение реальности. В эту категорию попадают например разнообразные церемонии или ритуалы.
2. Тест на реальность (*on reality*). Такой тест может как подтвердить реальность, так и критиковать её. Сюда входят например испытания, изменяющие величие вещей и людей из «Критики и обоснования справедливости», а также споры. В тесте на реальность может ставиться под сомнение как упорядоченность и список единиц реальности, так и принципы квалификации. При этом сам факт реальности зачастую под сомнение не ставится.
3. Экзистенциальный тест (*existential*). Эти тесты относятся к прожитому опыту и чувствам отдельных индивидов. Они опираются на чувства несправедливости, унижения или другие чувства, заставляющие пересмотреть существующий порядок вещей. При этом, они не касаются напрямую институтов, и коллективный характер им может придать только общность некоторых переживаний.

То есть с помощью данных тестов, правила которых устанавливают институты, люди стабилизируют и утверждают реальность. При этом здесь ускользает, во-первых, то как именно люди стабилизируют реальность с помощью институтов и приводят её в упорядоченный вид, а, во-вторых, конкретно у Болтански выпадает соотношение с ценностью. Таким образом *sense-building*’ом в данном случае мы будем называть процесс упорядочения и создания контекста для

⁶ Здесь важно упомянуть тот факт, что в оригинале Болтански говорит о смысле, как о *sens*, хотя в английском издании его перевели как *meaning*.

того, чтобы соотношение людей, вещей и действий в ситуации имело желаемый смысл. В каждом из режимов вовлечённости производится смысл, все действия в этих режимах мы можем назвать осмысленными, если они направлены на установление соответствия среды самому себе и благам этих режимов вовлечённости.

Иными словами, это процесс, включающий в себя квалификацию ситуации (соотнесение с ценностью), квалификацию отдельных единиц внутри, включение или исключение единиц в соответствие с принципами и атрибутирование смысла. Этот процесс может происходить перспективно, в повседневном взаимодействии и ретроспективно. Создание контекста здесь заключается в создании определённого положения вещей, людей и совершении определённых действий, которые будут придавать смысл, в соответствии с имеющимися ценностями. Это могут быть как непосредственные блага режимов вовлечённости, так и более универсальные ценности. Это может происходить как путём исключения или игнорирования каких-то акторов, так и путём их привлечения на свою сторону и включения в ситуацию.

Таким образом это активный процесс вписывания себя и окружения в определённую сеть, как материальную, так и символическую, для того, чтобы произвести смысл и в конце концов определенную идентичность. Так, мы решаем одну из важных проблем теории sense-building'a, обозначенную ещё в начале статьи, а именно проблему «заброшенности», ведь если смысл так или иначе присутствует во всех трёх этапах квалификации, то мы можем назвать и приход в социологию, и действия в социологии, и её оправдание осмысленными действиями. Смысл производится в каждом из четырёх описанных режимов вовлечённости, на каждом из этапов. Получается, что смысл в нашей схеме предшествует идентичности, просто случае рефлексии идентичность оказывается под вопросом и заново квалифицируется.

Критический момент

Не менее интересной является попытка понять, как происходят кризисы реальности в данной теории, в некотором роде их можно называть кризисами смысла или даже экзистенциальными кризисами.

В логике Тевено, кризисы случаются не только в режиме оправдания, но и в других режимах, как мы уже описывали выше, многие вещи могут стать причиной тревоги и «открытия глаз». Болтански точно называет это проникновением хаотичного Мира в упорядоченную Реальность. Но не только подобного рода вещи порождают кризис, но и, например, жертвы блага одного режима ради другого, как

уже тоже было описано выше. Но одно дело, это нарушение одного из режимов, например вы оказались в незнакомом городе, во-первых вы будете активно его исследовать и присваивать его себе, делать его знакомым, в соответствии с режимом фамиллярности, во-вторых, предположим, вы приехали туда в командировку, у вас есть определённый план действий, и пока что всё идёт хорошо, в-третьих, вам может быть интересно изучать новую местность, и, наконец, в-четвёртых, вы можете ответить себе «зачем я это делаю?», почему это ценно. Вы редко задаёте себе этот вопрос, если всё остальное идёт хорошо, но например, в ситуации, когда вам стало страшно, или вы уже устали транскрибировать интервью, писать дипломную работу, все сроки выходят, вы можете сказать: «я делаю это ради N». Таким образом, режим оправдания — последний редут в формировании вовлеченности и смысла деятельности. Но с другой стороны, в своём оправдании вы опираетесь и на другие режимы, когда вы не чувствуете себя комфортно, вы не видите смысла в поставленных целях и они реализуются через большие сложности, а открытия вас не прельщают, оказывается сложно оправдывать продолжение деятельности великой целью. Именно из-за того, что, как пишет Тевено, каждый режим требует жертвы ради вовлечённости в него, и когда цена слишком высока, проще не вовлекаться.

Почему режим оправдания рушится последним в этой системе? Поскольку он апеллирует к более высокому уровню обобщения. Если фамиллярный режим — личный, он относится к удобству индивида, то режим оправдания обращается к высшему благу, часто коллективно-разделяемому, публичному. Это позволяет мобилизовать больше ресурсов для восстановления соответствия, может быть реальность не соответствует личному удобству, но она хотя бы соответствует высшему благу, благу общества. Здесь полезно обратиться к приведённым выше тестам Болтански. Эти тесты оказываются средствами и поводами для критики или подтверждения устоявшегося порядка. Если тесты, о которых мы говорили в случае Тевено, касаются индивида (за исключением режима оправдания, который может быть публичным), тесты Болтански в основном работают на институциональном уровне (за исключением экзистенциального, который сложно довести до публичности и институтов). Тем не менее они все направлены на установление некоторой гармонии, *coincidence*, смысла в конечном счёте. При этом Тевено работает над тем, чтобы показать как устроено спокойное вовлечение, а Болтански — чтобы показать то, как происходят кризисные ситуации на уровне институтов. И здесь есть тонкий момент — в ситуациях, когда возникает сбой того или иного режима, возникает тревожное ощущение, это ещё не становится настоящим экзистенциальным кризисом. Последовательное жертвование режимами ради высшей цели в режиме оправдания вполне возможно в некоторых ситуациях, мы бы возможно назвали

эти ситуации проявлением героизма или мученичества. Но ситуация, когда жертв слишком много, и человек не готов пожертвовать всем ради идеи, не подкреплённой ничем в реальном мире, никакой деятельностью ни в одном из режимов, приводит к экзистенциальному кризису, который становится следствием проваленного экзистенциального теста.

Мы можем классифицировать кризисы по тем тестам, сбой в которых становятся их причиной.

В случае с тестом на правдивость, воплощённом в ритуалах и церемониях, кризис возникает в том случае, если появляется какое-то экстраординарное событие, не вписывающееся в ритуал, либо, в том случае, когда сами принципы ритуала критикуются тестом на реальность. Например, если мы говорим о цитировании в научном сообществе, как о церемониальных визитах [Соколов, 2021], которые учёные наносят друг другу, то поставить её под сомнение можно лишь снаружи, исходя из другого принципа. Таким принципом может стать «корректирующее цитирование» (*corrective citation*), исходящее из принципов отнюдь не чистого научного познания, но справедливости, призывая цитировать группы, имеющие меньше возможностей пробраться на вершины научного Олимпа. Такой ситуации ещё далеко до полномасштабного кризиса дисциплины, тем не менее она активно развивается как критика устоявшегося порядка.

Тестом на реальность, помимо критики принципов научного цитирования, может быть «спор о методе» в социальных науках. Он одновременно пытается упорядочить реальность и выяснить какими способами лучше всего изучать общество, а с другой легитимизирует саму социологию как научную дисциплину, в которой происходят научные дискуссии [Соколов, 2009].

Экзистенциальный тест здесь, пожалуй, становится самым интригующим, поскольку связан с ощущениями несправедливости и сожаления. В одном случае, экзистенциальный тест приводит к движению за справедливость в отношении угнетаемых меньшинств. Непрохождением реальности экзистенциального теста может быть объяснен и Май 68-го, как результат чувства несправедливости в отношении разросшегося корпуса младших научных сотрудников. Другой же эмоцией может выступать сожаление [Соколов, 2019], поскольку в случае, если принципы, по которым упорядочена реальность больше не могут её упорядочивать, она теряет смысл, а значит «всё было зря», вложенных усилий не вернуть, а предполагаемых выигрышей от ситуации уже никто не даст.

Каждый из этих тестов, в случае неудачного результата прохождения, может стать причиной ухода из профессии, смены направления деятельности, изменения правил или вовсе привести к глобальному кризису. Глобальность кризису придаёт то, что возникают институты, которые предлагают такую упорядоченную реальность, которая

включает в себя единицы, которые невозможно квалифицировать с помощью других институтов. То есть говоря коротко — происходит постоянная борьба институтов, которые пытаются упорядочить реальность в соответствии с разнообразными, часто противоречащими принципами. Побеждает тот, кто может предоставить более устойчивую и простую схему, которая будет 1) позволять квалифицировать большее число единиц, 2) предоставлять более справедливую их квалификацию, что значит, что она 3) будет устойчива ко всем трём типам тестов. Только в такой реальности может быть смысл.

Подводя итог изысканиям в области теории, мы начали с того, что задались Веберианским вопросом о конечном смысле деятельности, в его экзистенциальном значении. Однако, ответ, который даёт нам Вебер оказывается слишком требовательным к акторам, и не подходит для того, чтобы прямо использовать его в нашем исследовании. Веберианская рамка позволяет нам в ходе исследования поставить вопрос о том, «какой смысл вкладывают учёные в свою деятельность?», но не сможет указать на то «как устроен процесс конструирования смысла?» и на то, «что удерживает учёных в Академии?», как и на вопрос о том «как учёные проходят через профессиональные кризисы?». Веберовский концепт *Beruf* оказывается интуитивно полезен для понимания устройства «призвания» как механизма обоснования смысла деятельности, но требует слишком высокой рефлексии от людей, также он оказывается нечувствителен к повседневной, рутинной, до-рефлексивной деятельности, которая также участвует в формировании смысла и является важной составляющей работы учёного по словам самого же Вебера. Мы рассмотрели концепцию *sense-building*, предложенную Михаилом Соколовым. Она предлагает более пристально посмотреть на то, что делают социологи для создания смысла своей деятельности и его обоснования. Если Вебер говорит о смысле как трансцендентной категории, то Соколов говорит о смысле как о том, что создают сами акторы. Для исследования *sense-building* он предлагает смотреть на нарративы, внешние формы поведения и внутренние переживания социологов. Однако, возникающие сложности с самим понятием смысла, а в особенности его ретроспективного характера и его связи с идентичностью заставляют искать иные ресурсы для изучения практик *sense-building*. По ходу главы мы рассмотрели концептуальную рамку прагматической социологии, как возможность лучшего ответа на наши исследовательские вопросы. Четыре режима вовлечённости Тевено позволяют увидеть, как смысл создаётся на до-рефлексивном уровне в процессе вовлечения в повседневную, исследовательскую или целенаправленную деятельность — это позволяет нам ответить на вопрос о способах конструирования смыслов. При этом, прагматическая рамка позволяет рассмотреть и способы обоснования смысла в моменты его рефлексии в режиме оправдания — это способ ответить на вопрос о том

смысле, который учёные вкладывают в свою деятельность. Также с её помощью можно описать роль институтов в производстве осмысленной реальности и возможности её критики через различные тесты, из которых наибольший интерес для нас представляет экзистенциальный — через эту оптику можно увидеть как окружение учёного удерживает его внутри и как происходит разрыв, когда институции уже не удерживают. И, наконец, она позволяет исследовать как устроены кризисы смысла, в каких именно режимах они происходят, как учёные справляются или не справляются с этими кризисами. Также аргументативные игры можно включить в концепцию как определённые тесты, подтверждающие реальность и предопределяющие порядок в зависимости от исхода. Понятие автофабрикации в случае прагматической трактовки заменяется на разделение открытых и закрытых глаз в разных режимах. Таким образом, сохраняя веберовскую постановку вопроса и концептуализацию *sense-building*, прагматическая рамка оказывается более чувствительной к процессу *sense-building* и позволяет изучить его более подробно.

Критический модус

В качестве примера работы *sense-building*'а в режиме оправдания рассмотрим недавно опубликованную статью из британского “The Sociological Review”, посвящённую практикам «корректирующего цитирования» (*corrective citation*) в современной критической социологии [Pereira, 2025]. Корректирующее цитирование заключается в том, чтобы при цитировании отдавать приоритет «маргинализированным» группам «угнетённых» по гендеру, цвету кожи, и другим параметрам. Всё это совершается в целях «борьбы за социальную справедливость». В представлении Перейры и её коллег несправедливость проявляется в том кого мы цитируем: белых мужчин с глобального Севера и Запада. При этом «за бортом» остаются исследователи с Юга, чёрные женщины, исследователи из «периферийных» университетов, просто потому что мы их не видим. Чтобы исправить это положение, нужно уделять больше вниманию поиску исследований, произведённых исследователями из обозначенных категорий и цитировать их, давать им возможность говорить, публиковаться в журналах и т. д.

Соответственно в обозначенной выше статье Перейра указывает на некоторые особенности и эксцессы этой практики, например она описывает такой случай: одна исследовательница климатических изменений — Х. Лю (X. Liu) — выступала в Китае на конференции, посвящённой климатическим изменениям. После выступления ей был задан следующий вопрос: «почему вы не цитировали деколониальных

исследователей?» [Ibid., p. 1186]. При этом, по словам самой Лю, недостаток в докладе ссылок на китайских исследователей (что было бы логично, учитывая тематику и место проведения конференции) автора вопроса не смутило. Другой пример из той же статьи таков: Перейра вспоминает опыт работы редактором журнала “Feminist theory”. Она получила две статьи от авторок с «глобального Юга», относящихся к «маргинализированным» категориям. Затем для рецензирования она подобрала двух других авторок, тоже из максимально «маргинализированных» групп. В результате спустя некоторое время она получила две отрицательные рецензии на обе статьи, в качестве одного из аргументов против публикации была «белизна» (whiteness) и «западность» (Western) списка библиографии. Получилась такая ситуация, что две белые европейские авторки не дали опубликоваться двум авторкам с «глобального Юга», по причине недостаточного «разнообразия» (diversity) их списка библиографии. «Та ли это „справедливость“, которую хотят критические теоретики?», — возникает в связи с этим резонный вопрос.

Если мы попробуем проанализировать эти ситуации с помощью инструментов *sense-building* у нас получится следующее: начнём с принципов, выраженных в нарративе. В нём есть зло — мировое неравенство, проявляющееся в иерархиях и дискриминации женщин, чёрных (black people), жителей глобального Юга и т. д. Есть добро — борцы за социальную справедливость (social justice warriors), социальные учёные, которые выявляют зло и помогают с ним бороться. Соответственно наука, как часть борьбы за справедливость против неравенства, являясь частью добрых сил, которые стремятся сделать мир лучше — а это уже эксплицитная философия. Принципами квалификации будет то, способствует ли то или иное действие или событие борьбе со злом и приближению к добру.

Как написано в статье: «„Социологическое обозрение“ (“The Sociological Review”) ищет статьи, которые „пропагандируют научные практики, направленные на изучение того, как <...> производство знаний воспроизводит глобальное неравенство“» и далее: «Многие учёные, работающие в сфере социологии и за её пределами, разделяют стремление использовать цитирование для подрыва власти» [Ibid., p. 1180, курсив мой]. Соответственно эксплицитной целью таких социальных учёных является подрыв власти, понимаемой как насаждаемые властные иерархии (Восток/Запад, Север/Юг, мужчины/женщины и т. д.). Эта философия отличает «правильные» науки от «неправильных», и для этого есть определённые критерии.

Как уже было описано выше, правильная научная статья должна быть «разнообразной» в цитировании, приведу целиком цитату из статьи: «Я надеюсь, что вы считаете мой список (литературы) хорошим. Я надеюсь, что он выглядит (и заставляет меня выглядеть) компетентной, а также внимательной к эпистемическому неравенству

и стремящейся его устранить. Последнее желание особенно важно, потому что это не только ценность, которой я руководствуюсь в своей работе, но и ключевое условие её публикации здесь» [Ibid., p. 1180, курсив мой]. Описанное поведение может быть интерпретировано как эксплицитное действие по установлению и поддержанию своего интеллектуального лица [Соколов, 2021]. Цитирование — акт одновременно говорящий и о том, кто цитирует, и о том, кого цитируют. В данном случае с одной стороны цитирующий хочет показать, что он компетентен в вопросах «эпистемического» (и не только) неравенства и соответствует нормам «правильной» науки, борющейся с этим неравенством. С другой стороны он конституирует тех, кого он цитирует в качестве заслуживающих внимания и вызывающих доверие. Именно последний факт и является главной проблемой для сторонников «корректирующего цитирования», ведь «Политика цитирования и, в конечном счёте, практика <...> может быть включающей (inclusionary) или исключаяющей (exclusionary), но она никогда не бывает нейтральной» [Craven, 2021, p. 120, цит. по: Pereira, 2025, p. 1183]. Это определённая аргументативная игра, в которой можно по-разному упражняться, меняя критерии «разнообразия», на кого необходимо сослаться для повышения «разнообразия», а кого следует исключить из списка литературы, чтобы он не был слишком «белым».

До сих пор мы говорили лишь о внешнем поведении игроков, однако есть и внутренняя сторона, то, что следует чувствовать, для того чтобы деятельность имела смысл в рамках критического режима sense-building'a. Так, Перейра приводит ещё один пример: выступление группы чёрных исследовательниц из США на секции, посвящённой Чёрному феминизму в Бразилии [Ibid., 2025, p. 1189]. В ходе выступления, докладчики несколько раз нарушили «правила» критического модуса науки: ссылались на бразильских феминисток не в качестве важных теоретиков, а в качестве «вдохновляющих примеров», то есть не осуществили одну из важных церемониальных составляющих научного цитирования — распределение признания и релевантности [Соколов, 2021]; также были воспроизведены клише про Бразилию: фавелы, самба и т. д., что поставило под сомнение уже само интеллектуальное лицо выступающих, как компетентных исследовательниц. После доклада им был задан ряд вопросов, касающихся этих нарушений, что в целом воспроизводит указанную аргументативную игру. Но интересен момент оправдания самих исследовательниц, они почувствовали себя «странно» (weird), поскольку не ожидали что их можно обвинить в «неправильности», что они не компетентны в вопросах «эпистемического неравенства», поскольку: «они сами маргинальны и руководствуются радикальными, любящими намерениями» [Pereira, 2025, p. 1189], также сами исследовательницы производили впечатление «страстных» (passionate) и относящиеся с любовью (loving) и любопытствующие (curious). Таким образом в их режиме

sense-building'a именно чувство любви, искреннего желания узнать и рассказать о проблемах маргинализированных групп, чувство солидарности с «сёстрами» (our sisters) являются придающими смысл и оправдывающими их деятельность.

Таким образом здесь мы видим понятную работу по sense-building'у, заключающуюся в институциональном, то есть, например, на уровне редакций журналов, закреплении определённых правил квалификации научных статей, самих наук, а также правил кого и почему цитировать; самом процессе тестирования и квалификации, выражающемся в рецензировании статей, а также в той критике, которую представляет из себя сама статья Перейры. Мы можем увидеть здесь все три теста: на правдивость — цитирование как церемониал, на реальность с критикой принципов — сама приводимая в качестве примера статья, и экзистенциальный, связанный с чувством несправедливости в отношении угнетённых групп. Также, мы можем проследить и работу аксиологических операторов, например в виде использования в отношении списков литературы терминов “whiteness” и “Western”, имеющих здесь явно негативный окрас, поскольку из-за присвоенной подобной квалификации эти статьи были изначально отклонены. Всё это вместе придаёт работе описанных учёных смысл, делая их борцами за социальную и академическую справедливость.

«Качественники» и «количественники»

Теперь перейдём к ещё одному интересному предмету, а именно разделению социологов на «качественников» и «количественников». Это разделение, кому-то может показаться формальным или вовсе бессмысленным, однако мы всё ещё можем встретить, в том числе и в зарубежных журналах выражение “qualitative sociology”. Мы не будем занимать какой-то позиции по этому вопросу, однако попробуем показать работу по sense-building'у, которая за ним стоит.

Спор «о методе» в социологии имеет долгую историю, нет смысла пересказывать её полностью, однако стоит обратиться к одной из ключевых работ по этой теме на русском языке — статье Геннадия Батыгина и Инны Девятко «Миф о качественной социологии» [Батыгин & Девятко, 1994]. В частности, авторы пишут, что спор о том, какой метод лучше «бессмысленен», поскольку не может быть решён внутри самого спора его же средствами. Однако, этот спор всё же продолжает воспроизводиться, возможно он не такой бессмысленный, как может показаться на первый взгляд. Так, можно выделить «качественную количественную» и «количественную качественную» социологии, просто, во-первых, названия не меняют из удобства, а во-вторых, для

представителя одной из этой ветви, представители другой будут все «на одно лицо». Такой подход имеет место, но он ничего не говорит о смысле данного разделения, тезис об удобстве не говорит о характере дихотомии.

Важно отметить, что противостоящие подходы сами по себе обладают смысло-генерирующим потенциалом. Позиция «количественников» будет скорее всего выражена в том, что называется позитивистским ритуализмом [Соколов, 2015a]. Если коротко, то позитивистская философия будет представлять наиболее целостную научную концепцию, поскольку целиком вписывается в научно-технический град, другими словами её проще всего оправдать, сославшись на правила квалификации науки. Единственной проблемой является то, что на деле, декларируемая эффективность в движении к прогрессу в качестве меры величия, в социологии оказывается не работающей. В отличие от естественных наук, социология практически не делает никакого вклада в приближение к «прогрессу», по крайней мере с обывательской точки зрения. Она не открывает новых законов и не изобретает устройств, упрощающих жизнь. В силу этого для части социологов оправдание через чистый научно-технический град не работает, а значит требуется определённый компромисс с другими оправдательными ресурсами. Одним из возможных решений становится компромисс с гражданским градом. Тогда величие будет определяться социальным прогрессом, борьбой за социальную справедливость и права. Здесь уже начинают угадываться контуры критической социологии. Другим компромиссом будет сближение с градом вдохновения, и здесь вступает в игру как раз та философия, что была ранее названа перспективистской. Ощущение особого вдохновения от работы с текстом и поиском теоретического решения приводит именно к такому компромиссу. Однако, здесь можно выделить и другое решение, связанное с идеей «качественной» социологии. Вдохновением здесь будет служить чувство погружения в «поле» и вера в то, что подобное исследование даёт совершенно иные знания. Разворачивая это размышление дальше, мы приходим к интересному выводу, что антропологию оправдать проще, чем качественную социологию⁷. Первая обещает дать конкретное эмпирическое знание, не усложняя его теоретическим описанием, чистая этнография и включенное наблюдение. Вторая же вынуждена одновременно спорить с «количественной» и говорить о том, что цифры не могут раскрыть смыслы и особенности опыта людей, а с другой отстраиваться от антропологии, пытаясь привносить больше теоретических концептов в анализ. Вряд ли, чтобы провести интервью антропологу потребуется отсылаться

⁷ И возможно социологию вообще, см. например анализ позиций этих дисциплин в ответе Михаила Соколова в для «Антропологического форума» [Соколов, 2012].

к феноменологии, в то время как качественный социолог будет вести свою родословную минимум от Шюца, а максимум от «понимающей социологии» Вебера [Штейнберг et al., 2009]. Такое положение с другой стороны, позволяет при правильном подходе объединить составляющие двух градов (вдохновения через поле и научного) в одном компромиссе. Если «позитивисты» могут потерять «смысл» своей деятельности, поскольку социология не столь эффективна как физика, качественный социолог движим вдохновением от поля и верой в производство научного знания, в том числе через опору на «классиков», которые легитимируют данный подход. Здесь «качественный» находится скорее на полюсе «экстатического»

Если аргументативной игрой позитивиста-количественника будет вопрос о переменных или о репрезентативности выборки, для качественников подобными способами конструировать смысл своей собственной деятельности будут споры об интерпретациях, разнообразия выборки, глубине погружения в поле и т. д.

Возвращаясь к статье Батыгина и Девятко, то в ней авторы прослеживают основные этапы становления этой дихотомии, представляя её как реакцию «антисциентистов» на «позитивистский» проект социологии, так, что «качественная» социология возникает как бы в противовес «количественной», одновременно конституируя последнюю, поскольку до подобного разделения речи о «количественном» подходе не шло.

Используя режимы вовлечённости мы можем объяснить почему качественная социология настолько устойчива — исследование в поле это чистая форма режима исследования. Социолог активно вовлекается в процесс, чаще всего с заранее неизвестным результатом. Этот режим во-первых, создаёт сильную идентичность социолога-полевого, а во-вторых, успех в нём позволяет апеллировать ко граду вдохновения, когда у него спрашивают зачем он занимается своей наукой, ведь именно вдохновение и испытывает исследователь в эти моменты⁸. Режим исследования у количественников будет больше связан с работой с базами данных, ожиданием открытия новых зависимостей, подтверждением или опровержением гипотез⁹. Можно предположить, что полевое исследование будет гораздо более интенсивнее вовлекать в себя социолога, чем работа с таблицами, хотя всё конечно индивидуально.

⁸ «Я очень-очень-очень люблю полевую работу. То есть, когда я интервьюирую людей, когда я провожу наблюдения, это просто... <...> Я до сих пор говорю, у меня мурашки. Это то, что я очень люблю». (интервью 3, старший научный сотрудник)

⁹ «Наверное, мне изначально нравилась эта история с данными. Именно покопаться, когда у тебя есть сырые данные, и ты еще не знаешь, что ты в них найдешь, и начинать их смотреть, ковырять, искать. И вот это ощущение предвкушения, что же там сейчас получится». (интервью 4, старший научный сотрудник)

При этом, одно дело режим исследования, а другое дело режим оправдания, в котором происходит обоснование важности тех или иных методов и принадлежности к методологической парадигме». Как об этом пишет Михаил Соколов, данное различие создаёт впечатление научности, поскольку в каждой науке должны быть дискуссии, за неимением более содержательных, социология выбирает иметь хотя бы какие-то. После подобной дискуссии все участники уходят «с ощущением, что приняли участие в вечной интеллектуальной драме» [Соколов, 2009, с. 138], что определённо наполняет их жизнь смыслом. Если разобраться более детально, то такие дискуссии были изначально построены как тесты «на реальность» или испытания внутри научного града, однако, в силу своей неразрешимости, они смещаются в сторону церемониальных аспектов и тестов «на правдивость», поскольку сама по себе неразрешимость этих споров придаёт устойчивость всему социологическому проекту, как единой дисциплине. Наличие такого различия позволяет редуцировать неопределённость, чётко обозначить какие единицы есть в реальности и правила их квалификации. Это становится настоящей аргументативной игрой, все ходы которой заранее известны и всего лишь ждут своего воспроизведения в дискуссии. Даже ставшая недавно популярной категория миксд-методов (mixed-methods), всё равно сохраняет внутри себя данную оппозицию и не может её устранить. Таким образом, sense-building может работать не только внутри какой-то конкретной философии или парадигмы, будь то «позитивизм»-ритуализм, или перспективизм-экстатизм что говорит в пользу того, что данная оппозиция, как и многие другие отнюдь не бессмысленны, а наоборот, являются фундаментом единства дисциплины.

Вместо заключения

Таким образом читателю предлагается универсальная теоретическая рамка, позволяющая исследовать обоснования смысла и оправдания не только у социологов. Сохраняя особенности, предлагаемые рамкой sense-building'a, концепция режимов sense-building'a, на основе режимов вовлечённости оказывается шире и утилитарнее. Также, мы переопределили само понятие смысла, которое теперь оказывается чувствительным и к экзистенциальной проблематике.

Мы можем описать смысл через три связанных с ним концепта первой орбиты: единицы, которые следует квалифицировать и упорядочить; ценности, в соответствии с которыми это нужно сделать; и практики атрибуции смысла, то есть сами тесты и квалификации, производимые акторами. Следует также зафиксировать и то, что

в данной концепции смысл производится внутри различных режимов вовлечённости, успех внутри которых становится основанием для апелляции к разным градам в режиме оправдания.

Одной из проблем, о которых говорилось выше является проблема идентичности, разобранный в выше. Смысл предшествует идентичности или наоборот? Решением, предлагаемым в этой статье является то, что идентичность является результатом квалификации и совокупностью производства смысла в режимах вовлечённости, накладывающихся друг на друга как черепица. Идентичность может меняться, в зависимости от успешности деятельности, таким образом лучше было бы говорить не об идентичности, но о процессе идентификации, по аналогии с оцениванием (valuation). Таким образом, итоговая схема выглядит так: деятельность $\rightarrow$ смысл $\rightarrow$ идентичность.

В результате, мы можем говорить, что тот самый экзистенциальный смысл, выраженный у Вебера в призвании производится в режимах вовлечённости, упорный труд в режиме планового действия, понимание ценности в режиме оправдания и страсть к науке в режиме исследования, дополненные привязанностью к своей работе в режиме близости и порождают *Bezug*. Смысл оказывается связан одновременно и с повседневностью и с ценностями, преодолевая теоретический раскол иных теоретических концепций.

В изначальной концепции *sense-building*'а предполагается, что социологи движимы страхом автофабрикации делают свои практики более «научными» по форме, с этим связано сравнение социологии с физикой, а не с другими науками. В нашем случае, мы можем лишь описать более подробно как это может происходить, избегая предположений о потенциальном самообмане, можно говорить о стремлении к наибольшей устойчивости своих оправдательных стратегий в критической ситуации. Можно предположить, что чем больше репертуаров, к которым актор имеет возможность апеллировать, тем более устойчиво его положение, и тем крепче его идентичность. В таком случае, становится понятно само многообразие социологических теорий, которые обращаются к разным оправдательным репертуарам, от гражданского в случае критической социологии, до рыночного, в случае прикладных исследователей. Данная статья предлагает размышлять именно в эту сторону, для объяснения поведения социологов целом и других учёных¹⁰.

¹⁰ Недавно вышедшее исследование о «Минных полях» (*Moral minefields*) в социологии, выполнено как раз в этом духе [Dromi, Stabler, 2023]. Авторы переносят логику градов на оправдания значимости исследований социологами. Кажется, что логика *sense-building*'а вполне сочетается с ней, предлагая модель развития социологии как попытку изначально оправдывать деятельность разными репертуарами, избегая минных полей в своих исследованиях.

Также, важно отметить потенциал работы с прагматической социологией. Как указывалось выше, она позволяет избегать противоречий, возникающих в других теориях. Прагматическая социология не может ответить на вопрос о том, является ли социология наукой, зато может показать как люди создают уверенность в том, что их деятельность имеет смысл, и как её теряют, оставляя вопрос о том, считать ли всё то, что предшествовало «открытию» глаз, самообманом, ведь в конце концов, уйдя из академии в бизнес, человек в скором времени снова закроет глаза в одном из режимов, будучи уверен, что теперь его деятельность более осмысленная, чем раньше.

Не до конца использованными здесь остаются решения, связанные например с различием на личные и публичные ценности, которое вводит Натали Эник [Heinich, 2020]. Оно заключается в том, что не все ценности могут быть использованы в качестве средств публичного обоснования, тем не менее они всё ещё остаются ценностями и люди совершают действия исходя из них. Также, приходится обходить стороной и возможности оценки людей и использования разных регистров оценивания, описанных Эник совсем недавно [Heinich, 2025]. Эти концепции позволяют рассмотреть внутренние иерархии и способы квалификации в том числе с точки зрения их смысла. В дальнейшем предлагается исследовать режимы sense-building'a более подробно у других учёных.

Литература

1. Барт, Я. (et al.). Прагматическая социология: инструкция по применению (перевод с франц. Александра Луценко) // Социология Власти. 2019. № 2 (31). С. 176–216.
2. Батыгин, Г. С., Девятко И. Ф. Миф о «качественной социологии» // Социологический журнал. 1994. № 2. С. 28–42.
3. Бисенова, А. Ж. Поле и жизнь: размышления «укорененного» антрополога // Социология Власти. 2021. № 3 (33). С. 131–148.
4. Болтански, Л. Тайны и заговоры. По следам расследований. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2019.
5. Болтански, Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости / Л. Болтански, Л. Тевено, Новое литературное обозрение, 2013.
6. Болтански, Л., Тевено Л. Социология критической способности // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3 (3). С. 66–83.
7. Вахштайн*, В. С. Салоны и клубы. Ответ Михаилу Соколову // Социология Власти. 2015. № 3 (27). С. 69–80.
8. Вебер, М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990
9. Вебер, М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4-х т. (сост., общ. ред. и предисл. Л. Г. Ионина). Том 1. Социология. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.

10. Волков, В. В., Хархордин, О. В. Теория практик. СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2008.
11. Гофман, И. Анализ фреймов: эссе об организации повседневного опыта / Под ред. Г. С. Батыгина, Москва: Институт социологии РАН, 2003.
12. Ерофеева, М. А. Социология И. Гофмана в контексте развития теории социального действия. 2015.
13. Корбут, А. М. «Новый эпистемолог, или Игла познания». 2009. [Online] <<https://cfs.hse.ru/news/137901478.html>> [Дата обращения] 09.01.2026.
14. Пресняков, И. В. «Политеизм ценностей» Макса Вебера: контексты, происхождение, логикометодологические основания // Социология власти. 2025. № 4 (32). С. 68–106.
15. Соколов, М. М. Гоффман, Мэри Дуглас и смысл (академической) жизни: церемониальные аспекты критических дискуссий в теоретической социологии // Антропологический форум. 2009. № (10). С. 130–143.
16. Соколов, М. М. Стоит ли радоваться сближению социологии и антропологии? О проблеме легитимности в малосостоятельных дисциплинах // Антропологический форум. 2012. № 16. С. 121–130.
17. Соколов, М. М. Элементы социологии досады и сожаления // Социологическое обозрение. 2019. № 4 (18). С. 9–46.
18. Соколов, М. М. Трансформирующие и селективные системы: исследование по сравнительной социологии академических рынков и карьер // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 35–77.
19. Соколов, М. М. Наука как церемониальный обмен: теория пространств внимания, академического статуса и символической борьбы // Социологическое обозрение. 2021. № 3 (20). С. 9–42.
20. Соколов, М. М. Социология как чудо. Процесс sense-building в одной академической дисциплине // Социология власти. 2015а. № 3 (27). С. 13–57.
21. Соколов, М. М. Мир Смысла, он же Мир Судьбы и Сожаления: ответ Олегу Хархордину и Виктору Вахштайну* // Социология Власти. 2015b. № 3 (27). С. 81–92.
22. Хархордин, О. В. Социология как доставка, поставка или проставка смысла жизни // Социология Власти. 2015. № 3 (27). С. 58–68.
23. Штейнберг, И. Е. et al. Качественные методы. Полевые социологические исследования. СПб.: Алетейя, 2009.
24. Шюц, А. О множественности реальностей (пер. Корбут, А.) // Социологическая теория: История, современность, перспективы. Альманах журнала «Социологическое обозрение». СПб.: «Владимир Даль», 2006. С. 58–110.
25. Boltanski, L. On critique: a sociology of emancipation. Cambridge: Polity Press, 2011.
26. Craven, C. Teaching antiracist citational politics as a project of transformation: Lessons from the cite Black women movement for white feminist anthropologists // Feminist Anthropology. 2021 No. 2(1). P. 120–129.
27. Dromi, S. M., & Stabler, S. D. Moral Minefields: How Sociologists Debate Good Science. University of Chicago Press. 2023.
28. Hansen, M. P. Laurent Thévenot's Sociology of Regimes of Engagement and Grammars of Commonality // Diaz-Bone, R. & Larquier, G. D. (Eds), Handbook of Economics and Sociology of Conventions. Springer International Publishing. 2025. P. 1–19.
29. Heinrich, N. A Pragmatic Redefinition of Value(s): Toward a General Model of Valuation // Theory, Culture & Society. 2020. No. 5 (37). P. 75–94.
30. Heinrich, N. Ten Proposals on Values // Cultural Sociology. 2020b. No. 14(3). P. 213–232.
31. Heinrich, N. The Value of Persons: A Pragmatic Approach // Theory Culture & Society. 2025. No. 1 (43).
32. Meyer, J. W., Rowan, B. Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony // American Journal of Sociology. 1977. No. 2 (83). P. 340–363.

33. *Pereira, M. do M.* Rethinking power and positionality in debates about citation: Towards a recognition of complexity and opacity in academic hierarchies // *The Sociological Review*. 2025. No. 6 (73). P. 1179–1200.
34. *Thévenot, L.* L'action qui convient. In P. Pharo & L. Quéré (Eds), *Les formes de l'action*. Éditions de l'École des hautes études en sciences sociales. 1990. P. 39–69.
35. *Thévenot, L.* Pragmatic regimes governing the engagement with the world. In Schatzki, T. R. (Ed.) *The practice turn in contemporary theory*. Taylor and Francis. 2001.
36. *Thévenot, L., & Jacobs, A.* Enlarging Conceptions of Testing Moments and Critical Theory: In S. Susen & B. S. Turner (Eds), *The Spirit of Luc Boltanski*. Anthem Press. JSTOR. 2014. P. 245–262.

Artem Shobyrev

Pragmatic regimes of sociologists' sense-building. Experiments in existential sociology

Artem Shobyrev, 3rd grade BA in Sociology, School of Social Sciences, Sociology Department, HSE University — St. Petersburg. **Address:** St. Petersburg, Soyuz Pechatnikov st., 16. **E-mail:** aashobyrev@edu.hse.ru. ORCID: 0009-0005-7206-3224.

Abstract: Sociology as a science constantly requires various kinds of justifications. Sociologists themselves encounter these justifications. The author of this article links justifications to scholars' search for existential meaning in their own work. However, sociology has failed to develop a language for analyzing existential meaning. The article aims to propose pathways for developing such a language and to demonstrate its possibilities. The article analyzes the development of the concept of meaning in Weber, Schütz, and Goffman. It then examines the discussion of sense-building in Russian sociology. Subsequently, the author proposes drawing on the resources of pragmatic sociology to address emerging theoretical problems, particularly the concepts of regimes of engagement and orders of justification. Sense-building is understood as a method of attributing meaning through the qualification of certain units and their ordering in accordance with the values of the actor and institution. The article analyzes situations of meaning crises in connection with sense-building theory. Several empirical examples are provided. Ultimately, the author proposes a theoretical framework of sense-building in regimes of engagement, grounded in pragmatic sociology.

Keywords: pragmatic sociology, sociology of sociology, sense-building, regimes of engagement

For citation: Shobyrev, A. (2026) Pragmatic regimes of sociologists' sense-building. Experiments in existential sociology. *Russia's Directions*. Vol. 4. No. 3. P. 168–201.

References

1. Bart, J., de Blick, D., Heurtin, J., Lagneau, É., Lemieux, C., Linhardt, D., Trom, D. (2019) Pragmatic Sociology: A User's Guide (translated from French by Aleksandr Lutsenko). *Sociology of Power*. No. 2 (31). P. 176–216. (In Russ.)
2. Batygin, G. S., Devyatko I. F. (1994) The Myth of "Qualitative Sociology". *Sociological Journal*. No. 2. P. 28–42. (In Russ.)
3. Bissenova, A. Zh. (2021) Field and Life: Reflections of an "Embedded" Anthropologist. *Sociology of Power*. No. 3 (33). P. 131–148. (In Russ.)
4. Boltanski, L., Thévenot L. (2013) *On Justification: Economies of Worth*. Novoe Literaturnoe Obozrenie. (In Russ.)
5. Boltanski, L., Thévenot L. (2000) The Sociology of Critical Capacity. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. No. 3 (3). P. 66–83. (In Russ.)
6. Boltanski, L. (2019) *Mysteries and Conspiracies: In the Wake of Investigations*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press. (In Russ.)
7. Boltanski, L. (2011) *On critique: a sociology of emancipation*. Cambridge: Polity Press.
8. Craven, C. (2021) Teaching antiracist citational politics as a project of transformation: Lessons from the cite Black women movement for white feminist anthropologists. *Feminist Anthropology*, No. 2(1). P. 120–129.
9. Dromi, S. M., & Stabler, S. D. (2023) *Moral Minefields: How Sociologists Debate Good Science*. University of Chicago Press.
10. Erofeeva, M. A. (2015) *The Sociology of E. Goffman in the Context of the Development of Social Action Theory*. (In Russ.)
11. Goffman, E. (2003) *Frame Analysis: An Essay on the Organization of Experience*. Moscow: Institute of Sociology RAS. (In Russ.)
12. Hansen, M. P. (2025) Laurent Thévenot's Sociology of Regimes of Engagement and Grammars of Commonality. In: R. Diaz-Bone & G. D. Larquier (Eds), *Handbook of Economics and Sociology of Conventions*. Springer International Publishing. P. 1–19
13. Heinrich, N. (2020a) A Pragmatic Redefinition of Value(s): Toward a General Model of Valuation. *Theory, Culture & Society*. No. 5 (37). P. 75–94.
14. Heinrich, N. (2020b) Ten Proposals on Values. *Cultural Sociology*. No. 14(3). P. 213–232.
15. Heinrich, N. (2025) The Value of Persons: A Pragmatic Approach. *Theory, Culture & Society*. No. 1 (43).
16. Kharkhordin, O. V. (2015) Sociology as the Delivery, Supply, or Imposition of the Meaning of Life. *Sociology of Power*. No. 3 (27). P. 58–68. (In Russ.)
17. Korbut, A. M. (2009) "The New Epistemologist, or The Needle of Cognition". [Online] <<https://cfs.hse.ru/news/137901478.html>> [Accessed] 09.01.2026. (In Russ.)
18. Meyer, J. W., Rowan, B. (1977) Institutionalized Organizations: Formal Structure as Myth and Ceremony. *American Journal of Sociology*. No. 2 (83). P. 340–363.
19. Pereira M. do M. (2025) Rethinking power and positionality in debates about citation: Towards a recognition of complexity and opacity in academic hierarchies. *The Sociological Review*. No. 6 (73). P. 1179–1200.
20. Presnyakov, I. V. (2020) Max Weber's "Polytheism of Values": Contexts, Origins, Logical and Methodological Foundations. *Sociology of Power*. No. 4 (32). P. 68–106. (In Russ.)
21. Schütz, A. (2008) On Multiple Realities. in *Sociological Theory: History, Contemporary Developments, Prospects*. Almanac of the journal "Russian Sociological Review." — St. Petersburg: Vladimir Dal. P. 58–110. (In Russ.)

22. Shteinberg, I. E. et al. (2009) Qualitative Methods. Field Sociological Research. St. Petersburg: Aleteia. (In Russ.)
23. Sokolov, M. M. (2009) Goffman, Mary Douglas and the Meaning of (Academic) Life: Ceremonial Aspects of Critical Discussions in Theoretical Sociology. *Anthropological Forum*. (10). P. 130–143. (In Russ.)
24. Sokolov, M. M. (2012) Should We Welcome the Convergence of Sociology and Anthropology? On the Problem of Legitimacy in Weak Disciplines. *Anthropological Forum*. No. 16. P. 121–130. (In Russ.)
25. Sokolov, M. M. (2015a) Sociology as a Miracle. The Process of Sense-Building in an Academic Discipline. *Sociology of Power*. No. 3 (27). P. 13–57. (In Russ.)
26. Sokolov, M. M. (2015b) The World of Meaning, Also the World of Fate and Regret: A Reply to Oleg Kharkhordin and Viktor Vakhshtain*. *Sociology of Power*. No. 3 (27). P. 81–92. (In Russ.)
27. Sokolov, M. M. (2019) Elements of a Sociology of Annoyance and Regret. *Russian Sociological Review*. No. 4 (18). P. 9–46. (In Russ.)
28. Sokolov, M. M. (2021) Science as Ceremonial Exchange: A Theory of Attention Spaces, Academic Status, and Symbolic Struggle. *Russian Sociological Review*. No. 3 (20). P. 9–42. (In Russ.)
29. Thévenot, L. (1990) The appropriate action. In: P. Pharo & L. Quéré (Eds), *The forms of action. Published by the School for Advanced Studies in the Social Sciences*. P. 39–69. (In French)
30. Thévenot, L. (2001) Pragmatic regimes governing the engagement with the world. In: Schatzki, T. R. (Ed.) *The practice turn in contemporary theory*. Taylor and Francis.
31. Thévenot, L., & Jacobs, A. (2014) Enlarging Conceptions of Testing Moments and Critical Theory: In: S. Susen & B. S. Turner (Eds), *The Spirit of Luc Boltanski*. Anthem Press. JSTOR. P. 245–262
32. Vakhshtain*, V. S. (2015) Salons and Clubs. A Reply to Mikhail Sokolov. *Sociology of Power*. No. 3 (27). P. 69–80. (In Russ.)
33. Volkov, V. V., Kharkhordin, O. V. (2008) *Practice Theory*. St. Petersburg: European University at St. Petersburg Press. (In Russ.)
34. Weber, M. (2016) *Economy and Society: An Outline of Interpretive Sociology*: In 4 vols. (comp., ed., and intro. by L. G. Ionin). Vol. 1. Sociology. Moscow: HSE Publishing House. (In Russ.)
35. Weber, M. (1990) *Selected Works*. Moscow: Progress. (In Russ.)